

УДК 81. 367

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-47-55

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ КАК ХРОНОТОПНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА

Папуша И. С.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить хромотопные свойства сложного синтаксического целого как языковой единицы и как интегранта / конституента текста.

Процедура и методы. В работе рассмотрены конкретные примеры выявления хромотопных свойств ССЦ в художественных текстах К. Г. Паустовского и М. М. Пришвина. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов и комплексный уровневый анализ сложного синтаксического целого.

Результаты. В ходе исследования было выявлено, что хромотоп проявляет архитектуру ССЦ и за счёт такого качества является её идентификатором, а разные уровни хромотопа этой языковой единицы отражают разные уровни хромотопа художественного текста.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию сложного синтаксического целого как языковой единицы, реализующей развёрнутое высказывание.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, поле языкового напряжения, герм, хромотоп, развёрнутое высказывание

COMPLEX SYNTACTIC WHOLE AS A CHRONOTOPIC LANGUAGE UNIT

I. Papusha

*Moscow Region State University
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose is to identify the chronotopic properties of a complex syntactic whole as a linguistic unit and as an integrant/constituent of a text.

Methodology. The paper considers specific examples of identifying chronotopic properties of a complex syntactic whole in literary texts of K. G. Paustovsky and M. M. Prishvin. The research relies on the methods of observation, generalization, and interpretation of the results, as well as on a complex level analysis of a complex syntactic whole.

Results. It is found that the chronotope shows the architectonics of this language unit and, due to this quality, is its identifier; different levels of the complex syntactic whole chronotope reflect different levels of the chronotope of a literary text.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of a complex syntactic whole as a linguistic unit that implements an expanded utterance.

Keywords: complex syntactic whole, field of linguistic tension, herm, chronotope, expanded utterance

Введение

Хронотоп, как и художественный образ, является ключевым понятием литературоведения и определяется как «единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного культурного, художественного смысла»¹. Михаил Михайлович Бахтин, разрабатывая теорию хронотопа физика А. Эйнштейна и биолога А. А. Ухтомского относительно литературоведения, пришёл к выводу, что «художественные пространство и время нельзя воспринимать как абстрактные категории, не зависящие от их материального наполнения» [1, с. 235]. Но материальным наполнением художественного произведения в первую очередь являются язык и его единицы, в частности – сложное синтаксическое целое (ССЦ). А наличие в сложном синтаксическом целом микроидеи, целеустановки и интенции автора как категорий, позволяющих продуцировать / воспринимать смыслы, позволяет нам рассматривать сложное синтаксическое целое как языковую единицу, напрямую связанную с понятием «хронотоп», т. к. «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [1, с. 406].

Уровни хронотопа сложного синтаксического целого

Сложное синтаксическое целое, рассматриваемое как система в силу замкнутости и его плана содержания и его плана выражения, представляя «языковую форму, наиболее подходящую для выражения уловленного смысла» [3, с. 11], с одной стороны, реализует целостность, которая достигается посредством определённых взаимосвязей и взаимодействий элементов системы, а с другой – провоцирует возникновение новых свойств элементов системы, которыми они вне системы не обладают. Гермы сложного синтаксического целого, одновременно представляя со-

вокупность языковых явлений в линейной структуре ССЦ, способствуют проявлению этого свойства системы.

Одномоментность как временной показатель и линейная структура как пространственная последовательность знаков в рамках сложного синтаксического целого непосредственно образуют хронотопные отношения. Полагаем, что, вписанный во внутреннюю структуру сложного синтаксического целого, хронотоп проявляет архитекtonику этой языковой единицы и за счёт такого качества является её маркером, идентификатором. Но возникает он только благодаря наличию поля языкового напряжения, образуемого гермами разной степени напряжения. Надо отметить, что аккумуляция языковых особенностей в герме – его очень важное свойство, т. к. «хронотопически организованы все без исключения сферы культурного смысла, в том числе язык (и как форма внешнего общения, и как форма протекания смысла во внутренней духовно-мыслительной деятельности), и само мышление, даже абстрактное; как бы ни были в мышлении ослаблены хронотопические координаты, именно движения смысла “по”, “между” и “сквозь” имманентные и внеположные хронотопы является условием его развития»².

Если мы исходим из того, что герм (от греч. *herma* – ‘межевой знак, указатель на дороге’) – такой компонент линейной структуры сложного синтаксического целого, в котором «степень концентрации языковых значений единиц нескольких языковых уровней одновременно становится сигналом особой значимости данной позиционной составляющей» [8, с. 362], основным критерием его выделения в линейной структуре сложного синтаксического целого будет активизированность языковых особенностей единиц разных уровней, проявляющаяся только в сложном синтаксическом целом независимо от того, является ли она языковой данностью, реализует ли когезию ССЦ, образуя свои внутренние связи

¹ Ирза Н. Д. Хронотоп // Культурология XX век: энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / сост. С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 909–910.

² Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4 / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2010. С. 307–308.

как комплекс позиционных структур, способствующих выполнению определённой функции каждого элемента, или представляет результат интенции автора.

Отметим, что только в линейной структуре сложного синтаксического целого, внутренняя структура которого образует, в отличие от предложения, поле языкового напряжения, возможно появление многомерного смыслового единства, формируемого за счёт гермов разных зон и реализующего не только поверхностные и глубинные смыслы, но и некий целостный объём смыслов, не сводимый к значениям составляющих его языковых единиц. Вслед за И. Р. Гальпериним мы можем утверждать, что о содержании можно говорить в объёме текста, о значении – в объёме морфем, слов, словосочетаний, а о смысле – в объёме мысли и сообщения, заключённых в предложении или сверхфразовом единстве (сложном синтаксическом целом. – И. П.) [2, с. 20]. Аффилированность сложного синтаксического целого со смыслом и возможностью раскрывать новые и новые грани смысла и в своих рамках, и в рамках художественного текста позволяет предполагать наличие в нём особых хронотопических отношений. Попробуем провести параллель между хронотопами художественного текста и сложного синтаксического целого.

Так, представитель Тартуско-московской семиотической школы литературовед Пётр Тороп, описывая пространственно-временные связи в художественном произведении, операционально выделил в нём три сосуществующих уровня хронотопа: топографический, психологический и метафизический¹. Полагаем, что в связи с тем, что сложное синтаксическое целое является интегрантом / конституентом текста, уровни хронотопа художественного произведения могут быть экстраполированы и на него. При таком подходе топографический хронотоп,

связанный с узнаваемостью «конкретного исторического времени и места»², будет представлен в ССЦ целеустановкой автора, психологический хронотоп, связанный «с переходом из одного душевного состояния в другое»³, – интенцией автора, метафизический хронотоп, связанный «с идейным осмыслением всего текста», – с микроидеей ССЦ. П. Тороп обобщает триединство хронотопов: «уровень топографического хронотопа является наблюдаемым миром, уровень психологического хронотопа – миром наблюдателей, и метафизический хронотоп – миром устанавливающего язык описания»⁴.

Продemonстрируем теоретические положения на примерах анализа сложных синтаксических целых из художественных текстов К. Г. Паустовского (ССЦ № 1. Мещёрская сторона) и М. М. Пришвина (ССЦ № 2. Глаза земли. Зеркало человека).

ССЦ № 1. *Я отплываю в тумане. Восток розовеет. Уже не доносится запах дыма сельских печей. Остаётся только безмолвие воды, зарослей, вековых ив.*

*Впереди – пустынный сентябрьский день. Впереди – затерянность в этом огромном мире пахучей листвы, трав, осеннего увядания, затишливых вод, облаков, низкого неба. И эту затерянность я всегда ощущаю как счастье*⁵.

Тема ССЦ – *В тумане*. Внешняя форма ССЦ представлена матрицей сочетания простых предложений, для которой существенно важны единство плана содержания и плана выражения, а также – количество простых предложений, и в нашем примере их семь, что соответствует постулату американского психолога Джорджа Миллера об объёме абсолютной оценки [6]. Четвёртое и шестое предложения осложнены рядами однородных членов – несогласованными определениями, выраженными именами существи-

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Паустовский К. Г. Мещёрская сторона // Константин Паустовский: [сайт]. URL: http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/mescherskaya-storona/storona_2.htm (дата обращения: 06.07.2021).

¹ Тороп П. Х. Хронотоп // Словарь терминологии Тартуско-московской семиотической школы / сост. Я. Левченко. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diction.chat.ru> (дата обращения: 06.07.2021).

тельными в родительном падеже, и это один из видов внутренней связи элементов сложного синтаксического целого. Пятое и шестое предложения демонстрируют параллелизм грамматических структур и начинаются с обстоятельства места *Впереди* – фонетический и лексический повторы усиливают синтаксическое тождество, анафора в прозе придаёт яркость её ритмическому рисунку и «высвечивает» предпочтения автора. Неполнота структуры обоих предложений (отсутствует сказуемое) позволяет обстоятельству детерминанту зафиксировать значимость пространственного показателя, и вместе с тем – временного показателя, например, в словаре Д. Н. Ушакова слово *Впереди* имеет следующие значения:

«1. нареч. На некотором расстоянии перед кем- / чем-нибудь.

2. нареч. В будущем»¹.

На наш взгляд, использование автором такой лексической единицы в рамках сложного синтаксического целого позволяет увидеть, как пространственно-временные отношения развёртывают «движение смысла». Картина перепадов напряжения в поле языкового напряжения выглядит так: 3 – 2 – 3 – 2 – 4 – 3 – 4 – 5 – 2 – 3 – 4 – 5 – 2 – 4 – 2. Заинтересовавшее нас слово попадает в седьмой (околоядерный) герм и в восьмой (ядерный) герм, т. е. проявляет интенцию автора и участвует в формировании микроидеи сложного синтаксического целого, следовательно, соответствует психологическому и метафизическому хронотопам.

Топографический хронотоп фиксируют гермы периферийной зоны поля языкового напряжения: *Я отплываю в тумане; Восток розовеет; Уже не доносится запах дыма; сельских печей; воды, зарослей, вековых ив; в этом огромном мире; пахучей листвы, трав; облаков, низкого неба; я всегда ощущаю как счастье*. Целеустановка автора, реализующая тему сложного синтаксического цело-

го, – описать то, что он видит и чувствует «в тумане», т. е. это зарисовка фрагмента объективной реальности, которая проявляет хронотоп наблюдаемого мира. Все глаголы, использованные в гермах периферийной зоны, несовершенного вида и настоящего времени. Как отмечает профессор Т. Е. Шаповалова, значение «форм времени включает соотношение событий с объективным временем в его свойствах и их логико-языковое осмысление. Временные отношения, выражаемые языковыми средствами, конечно, существуют объективно и независимо от говорящего, и всё-таки они непосредственно связаны с участниками и ситуацией общения – время событийно и ситуативно» [10, с. 140].

Интенция автора проявлена через гермы околоядерной и ядерной зон поля языкового напряжения. Гермы околоядерной зоны (*Остаётся только безмолвие; Впереди – пустынный сентябрьский день; осеннего увядания; И эту затерянность*) аккумулируют языковые особенности четырёх языковых уровней и транслируют интенциональное намерение автора как «сгущенный (неразвернутый) образ, на котором *здесь-теперь* сосредоточено максимальное внимание»² (выделено нами. – И. П.). Значения слов, входящих в околоядерные гермы (*безмолвие, пустынный, увядание, затерянность*), представляют одно семантическое поле и объединены интегральным признаком – *одиночество*. Уровень психологического хронотопа ССЦ позволяет реципиенту сканировать состояние (своё, героя, природы и т. д.), описываемое автором.

Ядерные гермы (*Впереди – затерянность; затихливых вод*) концентрируют те смыслы, которые представляют квинтэссенцию значимости, возникающей как объективный факт «вне субъективных языковых предпочтений как автора, так и реципиента: оба не осознают этот факт, так как он вписан в структуру языковой матрицы человека, в структуру его лингвоментального комплекса» [9, с. 254]. Слово *затерянность*, дважды использованное в ССЦ (в ядерном и в

¹ Впереди // Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова: [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=6894> (дата обращения: 06.07.2021).

² Интенция // Национальная энциклопедическая служба: [сайт]. URL: <https://terme.ru/termin/intencija.html> (дата обращения: 06.07.2021).

околоядерном гермах), входит в синонимический ряд с доминантой *одиночество* (*заброшенность, потерянность, одинокость, сиротство* и др.) и, по версии разработчиков языковой платформы «КартаСлов.ру»¹, семантически связано со словами *безмолвие, пустыннось*, входящими в это ССЦ, а также со словами *вневременность, безвременность, беспредельность, пустота, простор* и т. п., входящими в семантическое поле с интегральным признаком *пространство-время*. Слово *затишливый* встречается только в словаре В. И. Даля в словарной статье слова *замолкать*², значение корня которого позволяет вновь выйти на значения слова *безмолвие*. Оба рассматриваемых нами слова имеют приставку *за-*, хотя и с разными значениями. Метафизический хронотоп в этом ССЦ связан с трансцендентными (от лат. *transcendens* «переступающий, превосходящий, выходящий за пределы») пространством и временем, т. е. с тем, что находится «по ту сторону» человеческого бытия. Полагаем, что микроидея этого ССЦ, формируемая ядерными и околоядерными гермами, может быть определена так: в пространстве-времени одиночества (*затерянности*) наедине с природой (*огромный мир затишливых вод*) человек пребывает в трансцендентальности (*в безмолвии*) и имеет временную передышку от житейских забот.

ССЦ № 2. *Тепло нам или холодно – какое дело солнцу до нас, оно жарит и жарит, не считаясь с жизнью нашей нисколько. Это земля поворачивается к солнцу той и другой стороной, укрывая нас своими тенями... Тени, тени земной мы обязаны жизнью, но так устроена жизнь, что всё живое тянется к свету*³.

¹ КартаСлов.ру: онлайн словарь-тезаурус URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 07.07.2021).

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // Азбука веры: [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja> (дата обращения: 25.06.2021).

³ Пришвин М. М. Глаза земли. Зеркало человека // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/glaza-zemli/zerkalo-cheloveka.htm> (дата обращения: 25.06.2021).

Тема ССЦ – *Тепло нам или холодно*. Внешняя форма сложного синтаксического целого соответствует комбинированной матрице варианта «ромб»: первое предложение – многокомпонентное бессоюзное предложение; второе предложение – простое; третье предложение – сложная синтаксическая конструкция с сочинительной и подчинительной связями. Вторая предикативная часть первого предложения и второе предложение осложнены обособленными обстоятельствами образа действия, выраженными деепричастиями с зависимыми словами, – и это один из видов внутренней связи в рамках сложного синтаксического целого. Поле языкового напряжения имеет следующую картину перепадов напряжения в нём: 4 – 3 – 2 – 5 – 4 – 2 – 3 – 4 – 3 – 2.

Гермы периферийной зоны поля языкового напряжения ССЦ представляют целеустановку автора: *какое дело солнцу до нас; оно жарит и жарит; той и другой стороной; укрывая нас своими тенями; но так устроена жизнь; что всё живое тянется к свету*. Этот ряд гермов, создавая движение смыслов темы ССЦ, репрезентирует топографический хронотоп: конкретное пространство-время солнца и конкретное пространство-время тени в пространстве-времени жизни человека на земле.

Околоядерные гермы (*Тепло нам или холодно; Это земля поворачивается к солнцу; Тени, тени земной мы обязаны жизнью*) проявляют интенцию автора и его максимальное внимание на «здесь-теперь». И несмотря на то, что первый герм является темой сложного синтаксического целого, он, аккумулируя языковые особенности четырёх языковых уровней, транслирует интенциональное намерение автора и, следовательно, психологический хронотоп. Антонимические отношения содержащихся в нём лексических единиц определяют тон сопоставления смыслов на протяжении всего ССЦ. Переходы чувствования *тепла / холода, земли / солнца, света / тени* реципиент воспринимает благодаря отнесённости этого хронотопа к миру наблюдателей.

Контактный повтор слова *тени* в последнем герме этой зоны поля языкового напряжения придаёт ему семантическую значимость, усиливая, на первый взгляд, его прямое значение – «Тёмное пространство, отгороженное, застланное чем-нибудь от источника света, куда не проникают лучи света»¹ – и гиперсему «пространство». Но принадлежность герма к психологическому хронотопу позволяет реципиенту не относить это пространство к тени как объекту объективной реальности и способствует восприятию тех смыслов, которые связаны с ощущением состояния. Понять эти смыслы позволяет этимология слова, хотя авторы этимологических словарей предлагают противоположные смыслы слова *тень*. Так, М. Фасмер объясняет происхождение слова «из *tēmpъ и связывается с *tъma, *tъmьль (см. tъma)»²; Л. В. Успенский – «мрак», «темень»; его полезно сравнить с «tъma»³; Н. М. Шанский – «суф. производное (суф. -нъ) от той же основы (с перегласовкой ě / ъ), что tъma»⁴. Но в онлайн-словаре А. В. Семёнова находим – «*Индоевропейское – temni-s (тёмный)*. *Общеславянское – sbjati (сиять, сень, сени)*. В древнерусском языке существительное известно с XI в. в формах «стнь» и «снь»»⁵. Авторы корнесловного интернет-словаря «Глаголь», отдавая предпочтение последней версии происхождения слова *тень* (от *skai – санскритское ‘тень, отблеск’), отмечают, что, согласно «Священному писанию, телесная земная жизнь человека при свете Солнца – это тень, отбрасываемая и уклоняющаяся от

Небесного Света вечной жизни. Тень, как и тлеющее тело, рассеивается подобно праху и исчезает во тьме»⁶. Полагаем, что в такой трактовке слова *тень* мы переходим из области интенции автора в область трансцендентальную, т. е. в метафизический хронотоп. Исходя из смыслов, заключённых в околоядерном герме *Тени, тени земной мы обязаны жизнью*, реципиент сканирует понятия ассоциативного поля, интенционально заложенные автором, – *сень, защита, колыбель, жизнь, мать-земля* и т. п. Но одновременно с этими смыслами считывает и другой уровень противоположенных смыслов (допускаем, и не закладываемых автором) – *временности, скоротечности, хрупкости земной жизни относительно «вечной жизни*». Лексический повтор в околоядерном герме (*Тени, тени*) семантически переплетается с лексическим повтором в периферийном герме (*жарит и жарит*), что лишний раз подтверждает внутреннюю связность всех элементов сложного синтаксического целого, с одной стороны, и взаимопроникновение друг в друга хронотопов разных уровней, с другой стороны.

Ядерный герм (*не считаясь с жизнью нашей нисколько*) в поле языкового напряжения один (см. схему выше), что указывает на средоточие в нём микроидеи сложного синтаксического целого. В область повышенного внимания сразу попадает слово *жизнь* (в форме Т. п. с предлогом с), т. к. в ССЦ есть дистантный повтор этого слова в этой же форме, но без предлога (в последнем околоядерном герме), и в форме Им. п. (в предпоследнем периферийном герме). Кроме того, в последнем герме ССЦ есть слово *живое*, «пересекающееся» в смыслах со словом *жизнь* (в словообразовательном словаре А. Н. Тихонова эти лексемы представлены в разных словарных гнездах, т. е. они не имеют общей гнездовой вершины, следовательно, по логике автора, не являются однокоренными)⁷. Исследователь

¹ Тень // Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://efremova.slovaronline.com/107817-TEN> (дата обращения: 05.07.2021).

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 07.07.2021).

³ Успенский Л. В. Этимологический словарь школьника // Почему не иначе? [сайт]. URL: <http://www.rochemuneinache.com> (дата обращения: 07.07.2021).

⁴ Шанский Н. М. Этимологический словарь // Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/shansky> (дата обращения: 11.07.2021).

⁵ Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-etmo-temenov-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 07.07.2021).

⁶ Интернет-словарь «Глаголь» [Электронный ресурс]. URL: <http://pervobraz.ru> (дата обращения: 07.07.2021).

⁷ Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. С.195–197.

этимологического гнезда с корневым **gi* А. Г. Муллағалиева утверждает, что слово *жизнь* «было заимствовано восточными славянами в середине XI века из старославянского языка, о чём свидетельствует широкое употребление данной лексемы в переводных текстах богослужебных книг» [7, с. 103]. Но в древнерусском языке были слова *жить* (в дальнейшем – *житье*) и *животъ*. Нельзя не согласиться с доктором филологических наук, почётным профессором СПбГУ В. В. Колесовым, утверждавшим, что слово *жить* обозначает процесс и образ жизни; это – не глагол, а имя существительное (которое склонялось как слово *нить*); слово это родственно инфинитиву *жити* (современная форма *жить*), а именно эта глагольная основа и передавала в языке общее значение длительности, процессуальности жизни во всех её проявлениях. ... *Животъ* – это имя прилагательное, и перевести его на современный язык можно примерно как “живой”; слово обозначало признак, которым обладало то или иное существо, тогда как *жить*, будучи глагольной формой, обозначало процесс, а также состояние, в котором это существо пребывало» [4, с. 76]. Для нашего исследования представляются интересными выводы профессора о пространственно-временных значениях этих слов: «*животъ*, связанное с обозначением физической жизни, членило эту жизнь на конкретные отрезки, исчисляемые годами, а *житие*, как обозначение формы и типа социальной жизни, передавало общую её продолжительность» [4, с. 76]. Слово *жизнь*, пришедшее из книжных текстов со значением ‘вечная жизнь’ (жизнь духа), со временем семантически перекрыло оба русских слова и «стало общим словом в обозначении жизни» [4, с. 76], но утратило трансцендентальный смысл. То, что М. М. Пришвин, всегда оставаясь приверженцем христианского вероисповедания, использует в ССЦ оба варианта (*жизнь* и *живой*), свидетельствует, на наш взгляд, о жизнecентризме (понимание жизни как первичной реальности) автора, о симбиозе в его восприятии идеального и материального в вопросе феномена жизни, о его глубоком погружении в древнеславянскую мифологию,

в которой не последнее место занимает богиня Жива – одно из ключевых божеств наших предков-славян: она и творящая энергия, и проявление Рода Всевышнего, и покровительница Яви, и богиня энергетического плодородия Вселенной, – её символ (косой крест) напоминает букву *ж*, которая и обозначала *животъ*. И к Земле-матушке писатель относится с космологической позиции мифа – она участница Творения.

Совместно ядерный и околоядерные гермы представляют микроидею ССЦ: жизнь соткана из света и тени, она есть результат синергии Земли, Человека, Солнца (Космоса). Микроидея ретранслирует метафизический хронотоп, в котором время и пространство преодолевают границы топографического и психологического хронотопов и простираются в пространство-время Вечности (в мифах – Бездны).

Заключение

В связи с тем, что картина перепадов языкового напряжения в поле всё время меняется (см. схемы выше), хронотопы в рамках сложного синтаксического целого перемежаются, образуя неразрывное триединство и полифонию разных видов художественного времени и разных видов художественного пространства. Поле языкового напряжения в сложном синтаксическом целом художественного текста позволяет «вскрыть» коды существенных свойств художественного языка, «который надстраивается над естественным языком как вторичная моделирующая система» [5, с. 46], и демонстрирует развёрнутое высказывание как многоплановый комплекс смыслового единства в пространственно-временных параметрах.

Наличие хронотопа в архитектонике сложного синтаксического целого и возможность вычленивать уровни хронотопа в соответствии с целеустановкой и интенцией автора и микроидеями ССЦ представляют эту языковую единицу уникальным средством постижения всех возможных смыслов художественного произведения.

Статья поступила в редакцию: 14.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
3. Герасименко Н. А. Синтаксис дневниковых записей И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 7–14.
4. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 321 с.
5. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. 704 с.
6. Миллер Д. А. Магическое число семь, плюс / минус два: некоторые пределы нашей способности обрабатывать информацию // Инженерная психология: сборник переводов с английского / под ред. Д. Ю. Панова, В. П. Зинченко. М.: Прогресс, 1964. С. 564–581.
7. Муллагалиева А. Г. К истории лексемы *жизнь*, входящей в этимологическое гнездо с корневым *gi // Учёные записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 6. С. 102–108.
8. Папуша И. С. Гермы поля языкового напряжения сложного синтаксического целого как средство создания художественного образа // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой современного русского языка МГОУ Павла Александровича Леканта, Москва, 24–25 ноября 2017 г. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 360–364.
9. Папуша И. С. Интенция автора сложного синтаксического целого аналитического медиатекста // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, Москва, 25–26 ноября 2016 г. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 252–256.
10. Шаповалова Т. Е. Синтаксическое воплощение времени в изъяснительно-объектном типе сложноподчинённых предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 139–146.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of Literature and Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p.
2. Galperin I. R. *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p.
3. Gerasimenko N. A. [Syntax of I. Bunin's Diary Records]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2020, no. 4, pp. 7–14.
4. Kolesov V. V. *Mir cheloveka v slove Drevnei Rusi* [The World of a Man in the Word of Ancient Rus]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1986. 321 p.
5. Lotman Yu. M. *Ob iskusstve* [On Art]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1998. 704 s.
6. Miller G. A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on our Capacity for Processing Information (Rus. ed.: *Magicheskoe chislo sem', plus / minus dva: nekotorye predely nashei sposobnosti obrabatyvat' informatsiyu*). In: Panov D. Yu., Zinchenko V. P. *Inzhenernaya psikhologiya: sbornik perevodov s angliyskogo* [Engineer Psychology: Collection of Translations of English Texts]. Moscow, Progress Publ., 1964, pp. 564–581).
7. Mullagalieva A. G. [On the History of the Lexeme Life Included in the Etymological Nest with the Root *gi]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Kazan State University], 2009, vol. 151, iss. 6, pp. 102–108.
8. Papusha I. S. [Germs of the Field of Linguistic Tension of a Complex Syntactic Whole as a Means of Creating an Artistic Image]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossii, doktora filologicheskikh nauk, professora, zaveduyushchego kafedroy sovremennogo russkogo yazyka MGOU Pavla Aleksandrovicha Lekanta, Moskva, 24–25 noyabrya 2017 g.* [Rational and Emotional in Russian: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 85th Birthday of the Honored Scientist of Russia, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Modern Russian Language, MRSU, Pavel Aleksandrovich Lekant, Moscow, 24–25 November 2017]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017, pp. 360–364.

9. Papusha I. S. [Intention of the Author of a Complex Syntactic Whole of an Analytical Media Text]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 25–26 noyabrya 2016 g.* [Rational and Emotional in Russian: Collection of Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, 25–26 November 2016]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2016, pp. 252–256.
10. Shapovalova T. E. [Syntactic Appearance of Time in an Explanatory-object Type of Compound Sentences]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2018, no. 5, pp. 139–146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Папуша Ирина Сергеевна – доктор филологических наук, и. о. заведующего кафедрой славянской филологии и культуры коммуникации Московского государственного областного университета, академик Международной академии наук педагогического образования;
e-mail: is.papusha@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina S. Papusha – Dr. Sci. (Philology), Acting Head of the Department, Department of Slavic Philology and Culture of Communication, Moscow Region State University, Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education;
e-mail: is.papusha@outlook.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Папуша И. С. Сложное синтаксическое целое как хронотопная языковая единица // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 47–55.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-47-55

FOR CITATION

Papusha I. S. A Complex Syntactic Whole as a Chronotopic Language Unit. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 47–55.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-47-55